

— Когда это я, Цзян Сюмэй, боялась того, что говорят другие люди? Когда умер их отец, мы с двумя детьми почти не выжили. Что ты сказал мне, когда я привела их к тебе и попросила немного еды? Ты сказал, что люди должны жить достойно и стоять на ногах. Люди должны полагаться на себя, а не на Небо или Землю!

— Я взяла с собой своих детей, мы ели глину Гуаньинь* и корни деревьев. Мы справились с этим, и наша жизнь наконец-то улучшилась! Так почему бы и вашей семье не стремиться жить благородно? Практикуйте то, что проповедуете! Хун Синго, прислушайся к моим словам! Ты никогда не сможешь выплатить свой долг мне за всю свою жизнь! Я никогда не поднимала этот вопрос, но ты все равно осмелился прийти сюда. Ты просто напрашиваешься на побои!

п.п.: разновидность съедобной глины.

Даже отругав его, Цзян Сюмэй всё ещё была в ярости и дважды дала ему пощёчину.

В течение многих лет, которые показались ей целой жизнью, Цзян Сюмэй подавляла свой гнев.

Хун Синго смотрел на неё в оцепенении. Его голова кружилась после побоев.

Он открыл рот, чтобы заговорить, но прежде чем смог заговорить, Цзян Сюмэй перебила его. Для его голоса не осталось места.

Цзян Сюмэй перечисляла его недостатки один за другим.

Цзян Син только слушал. Он не произнёс ни слова и лишь молча наблюдал, как избивают его дядю.

Он не был хладнокровным, но всё ещё помнил события, о которых говорила Цзян Сюмэй, хотя они произошли много лет назад.

Те дни были суровыми.

Он и не подозревал, что у его матери была такая тяжёлая жизнь. Её жесткий характер также сформировался в те дни.

Она была вдовой и воспитывала двоих детей. Если бы она не была яростной, как бы она смогла выжить? Он неправильно оценил её. С этого момента ему уже не казалось, что побои, которые она ему наносила, были такими же болезненными. Он действительно заслуживал побоев.

Хун Синго пришёл, чтобы воспользоваться ими, но вместо этого получил только ругань. С тех пор как умерли родители, его никто никогда не ругал. Конечно, они его очень баловали, и, может быть, даже никогда не ругали. Но после смерти родителей его жизнь постепенно

усложнялась, потому что никто не помогал ему работать.

Сейчас Цзян Сюмэй сходила с ума, а Цзян Син рядом с ней всё ещё смотрел на него, как тигр. В голове Хун Синго царил хаос.

Он планировал устроить переполох, чтобы люди пришли посмотреть на это зрелище, и заставить Цзян Сюмэй потерять лицо, как в прошлый раз, чтобы она дала ему денег и ушла. Если бы они были в деревне, то люди, которым нечем заняться, уже пришли бы посмотреть на представление. Но здесь, в городе, никто не пришёл даже после того, как он поднял такой шум.

Никому не было интересно.

Хун Синго просчитался. Сколько бы он ни суетился, без зрителей он не добьется желаемого результата.

— Я не буду опускаться до твоего уровня, — Хун Синго был очень расстроен. Он получил побои и не получил от этого абсолютно никакой выгоды. Он отчаянно пытался убежать от неё. — Отпусти меня. Я иду домой.

Цзян Сюмэй всё ещё хотела избить его, но когда он сказал, что идёт домой, она решила, что лучше больше не видеть этого отброса. Женщина тут же схватила его за воротник и вышвырнула из дома, после чего захлопнула дверь.

Наконец-то вернулся мир.

Возможно, Хун Синго увидел, что это место слишком убогое и нет никаких преимуществ, которые он мог бы получить, а может быть, его так жестоко отругали, что у него не осталось смелости ни с кем встречаться. Поэтому он быстро ушёл.

— Мама... — сказал Цзян Син. — Я думаю, что я недостоин...

— Ты всё ещё не так плох, — Цзян Сюмэй вздохнула и сказала: — Я не прошу от тебя слишком многого. Я буду счастлива, если ты сможешь жить хорошей, честной жизнью. Сейчас у нас уже всё гораздо лучше. Было бы ещё лучше, если бы твоя сестра всё ещё была здесь.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/47684/1730308>